

**КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ:
БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ**

**НИКИТА
КОСТЫЛЕВ**

УБИЙСТВО
ЗА ЛЮБОВЬ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Костылев, Никита.

К72 Убийство за любовь / Никита Костылев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти).

ISBN 978-5-699-91213-1

Тайная организации «Selector» устраивает подпольные турниры по боям без правил, которые часто заканчиваются гибелью участников. Тем не менее профессиональный боксер Андрей Полтавский все-таки решает участвовать в этих жутких игрищах, чтобы в финале сразиться с абсолютным отморозком Каем Ичубаевым, отбывающим срок за убийства и изнасилование. Кай обладает феноменальным смертельным ударом, после которого пока что не смог выжить никто. Но не только уникальная техника удара делает Ичубаева предельно опасным противником. Им движет страшное, разрушительное чувство мести за несчастную любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91213-1

© Костылев Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

БЕЛЫЙ ОХОТНИК

— Здравствуйте! Здравствуйте!
Здравствуйте! Счастливых вам голод-
ных игр! И пусть удача всегда будет с
вами...

К/ф «Голодные игры»

Шахматы — древняя игра, кото-
рая учит мыслить. В шахматах, как
и в боксе, ты со своим противником
один на один.

Леннокс Льюис

Пролог

В тот день меня страшно избили. Я это прекрасно помню. Вообще из далекого про-
шлого и моих занятий боксом я прекрасно
помню только два самых ярких события —
как я познакомился с Андрюхой и свои пер-
вые соревнования.

Андрей Полтавский в далеком 2007 году
еще не был чемпионом мира и живой леген-
дой в мире единоборств. От славы и призна-
ния его отделяло всего несколько лет. А тогда
он был просто моим другом, который посто-

янно вытаскивал мою задницу из разных передряг. Но вот нос мой спасти не смог — это было на ринге. А боксерский ринг отличается от ринга в реслинге тем, что твой друг не может выскочить тебе на помощь со складным стулом наперевес. Но в тот памятный день своих первых соревнований, на которых меня страшно измордовал молодой перворазрядник, я помнил только то, что ринг, наверное, самое справедливое место в жизни. Тут только ты, твой противник и рефери. Все. Больше ничего. Есть Имя и Фамилия и все. Напротив другие Имя и Фамилия. А спустя несколько минут после первого гонга все закончится и рефери одному из нас поднимет руку. В этом весь бокс — в нем никогда нет ничего лишнего. Никакой мишуры. Только кулаки.

И в 2007-м Имя-Фамилия в перчатках из красного угла напротив активно занимался тем, что с каждым ударом разбивал мое лицо в кровь. Под конец второго раунда я уже ушел в глухую защиту и едва стоял на ногах под градом ударов, как вдруг бомбардировка прекратилась. Стоило мне чуть-чуть раскрыться, как в брешь влетела перчатка и я получил акцентированный удар промеж глаз.

Я на самом деле не знаю, как правильно

описывать бои. Я же не комментатор. Наверное, можно много говорить про термины, красиво описывать падения... но мне было не до этого в тот момент. Я думал только об одном — только хоть бы раз попасть по этой скотине. В моем мозгу отнюдь не было мысли о том, что теперь, возможно, у меня на всю жизнь останется кривой нос, не было мыслей о сдаче, не было даже мыслей о том, кто сейчас в зале и кто на меня смотрит. Крики зрителей я не слышал — только какой-то странный гул в стороне. В шумевшей голове не было никаких посторонних мыслей. Ничего лишнего, и мысль в моей голове бешено колотилась только одна — я-хочу-врезать-этой-скотине.

Раз! Раз! Еще несколько ударов по шлему, и от массы пропущенных ударов я просто обессиленно проваливаюсь вперед. Как ни странно, рефери не фиксирует нокдаун, и я поднимаюсь на ноги без отсчета. Рефери вытирает мне перчатки, и я снова иду в бой. Еще удар. Бах! И тут я уже лежу на канвасе, раскинув руки в стороны. Я даже не увидел тогда удара, отправившего меня на пол. Только короткая вспышка в голове и резкая боль в правой скуле.

И вот я лежу на полу, разглядывая потрепавшийся, грязный, бывший когда-то белым потолок родного СДЮСШОР 12. Кажется, где-то далеко-далеко рефери сказал «три». Я не знаю, мешает ли мне шлем или у меня проблемы со слухом из-за одного из пропущенных ударов, но ощущение слышимости словно сквозь вату не проходит. К счету «8» я уже стою в углу и серьезно киваю, когда судья спрашивает меня, готов ли я продолжить бой. Стоит ему снова дать отмашку, как раздается спасительный гонг и я с трудом иду в свой угол. В голове вяло мелькает мысль о том, стоит ли сказать Сан Санычу, что ринг стоит под углом градусов 30. По крайней мере, я так вижу. Дойдя до угла, я чувствую, как чья-то теплая рука крепко хватается меня за нос.

— Потерпи, Коленька!

Р-раз! Снова вспышка боли. Я едва успеваю вскрикнуть, как тренер утешает:

— Вот и все! Как и был!

— Ни хрена, Сан Саныч! Он левее чуть-чуть! — раздается голос Андрюхи.

— Полтавский! Пошел вон отсюда! — Тренер поворачивается к Андрею и начинает выпихивать его за канаты: — Ты разминаться должен сейчас! У тебя бой следующий!

— Пока Воронцов не выступит, я не уйду!

— Я вам не мешаю? — только вздыхаю я.

Обо мне снова вспоминают, и спор прекращается. Тренер дает мне сделать несколько маленьких глотков. Я чувствую, как второй ассистент с силой обмахивает меня полотенцем. Стало чуть полегче. Тем временем тренер вытаскивает капу изо рта, быстро промывает ее и аккуратно задирает мой нос. Наверное, с задраным словно пороссячим пяточком я смотрюсь забавно, но мне плевать. Я закрыл глаза, стараюсь дышать размеренно и делаю несколько глубоких вдохов.

— Коля!

Открыв глаза, я вижу серьезное лицо Сан Саныча. Он легко шлепнул меня по щеке, частично защищенной шлемом, и просто спросил:

— Готов продолжать?

Я ничего не отвечаю — только едва киваю, а сам думаю о живительном кислороде — еще бы несколько секунд подышать, еще бы несколько секунд...

— Не рубись. Не финти. — Тренер смотрит мне прямо в глаза. — Никаких лишних движений. Раз-два! Левый-правый! Закрылся! И бл*** не опускай правую руку! Понял?!

Раз-два! Закрылся! Короткими! Никаких крюков! Только прямые!

Звучит гонг. Я поднимаюсь со стула и слышу, как тренер повторяет заветные «раз-два — закрылся» мне в спину, тем временем я иду в сторону центра ринга навстречу своему Имя-Фамилия из Племени Красного Угла. Остался третий, последний раунд. Мыжимаем руки, и рефери разводит нас каждого на шаг назад...

Спустя полчаса я стою у раковины и никак не могу смыть кровь. Не знаю, что делать: вроде умываюсь уже минут пятнадцать, но каждый раз ее льется все больше и больше. Я отплевываюсь кровью, сморкаюсь кровью... кровь у меня на руках, на бинтах, я изгваздал уже весь рукомойник, но до конца смыть никак не могу.

Я посмотрел на свое отражение в зеркале и тихо сказал:

— Хорош... хорош, сволочь...

Стукнула тяжелая дверь, и послышались шаркающие тяжелые шаги по раздолбанному древнему паркету.

— Вот ты где, — послышался голос за спиной, и я увидел, как в умывальник прихромал Полтавский. Посмотрев на мой рукомойник,

он усмехнулся: — Ты чего тут, хомяка разде-
лывал?

— Почему именно хомяка? — только вяло
спросил я.

— Да не знаю... а почему нет?

— Справедливо. — Я покачал головой и
посмотрел на собственное изображение: —
Похоже, действительно чуть левее.

— Забудь уже про свой нос, Воронцов, —
Андрей наклонил голову и подставил пот-
ную шею под ледяную струю, хлещущую из
погнутого ржавого крана. Вдоволь накупав-
шись, он несколько раз ополоснул лицо, хо-
рошенько фыркнул, как кошка, взъерошил
свою и без того растрепанную светлую шеве-
люру и коротко выдохнул: — Засудили, суки.

— Опять?

— Опять. — Он усмехнулся собственному
изображению и сказал: — Вечно третий. Как
проклятье какое-то. У меня этих бронзовых
медалей уже столько, что можно сплавить и
небольшой памятник отлить. — Он тяжело
вздыхнул и с легкой усмешкой на губах ска-
зал: — Четыре раза на жопу посадил. Судьям
все по фигу. В третьем раунде думал, за пре-
восходством бой остановят, а они ему руку
подняли.

— Мне иногда кажется, что тебе надо убивать противника, чтобы тебе победу присудили, — сказал я. Отойдя от умывальника, я приложил лед к затылку и сказал: — Хотя нет, не убивай противников. Будут дисквалифицировать.

— Это точно. — Он шаркающей кавалерийской походкой прихромал к лавке и тоже сел рядом. Посмотрев на меня, он спросил: — Ты-то как?

— Нормально. С ногой что? Ты пинался там с судьями, что ли?

— Нет, просто неудачно ногу подвернул во время удара. — Он полез в свой старенький потертый рюкзак и достал небольшую коробочку: — Держи, это тебе подарок.

— В честь чего это?

— Первые соревнования, первый сломанный нос. Ты гордиться должен. Вообще, как говорит Сан Саныч? Почему мы должны гордиться тем, что мы боксеры? Ведь как в том же самом футболе? Выступил плохо — проиграл. Ну проиграл и проиграл. Аргентина — Ямайка 6:0 или 5:0? Я не помню. Не суть, а что значит проигрыш у нас? У нас проигрыш — это разбитые руки, разбитое лицо и корпус. Так?

— Так. — Я поднялся со скамейки и про-

тянул руку: — Пошли, инвалид. Пора ехать домой.

— Пошли.

Собирались мы быстро. По-спортивному. Что мне там было таскать... На выходе я открыл подарок и увидел небольшую шахматную доску. Бросив взгляд на Андрея, я спросил:

— Охренеть. Ты откуда достал? С антресоли? А если мама узнает?

— Пошел в зад, — обиделся Андрей. — Я купил. Запомни, когда-нибудь я сяду за шахматный стол со своим кумиром... — Он остановился на половине и посмотрел на меня, ожидая вопроса.

— Я не буду спрашивать, кто твой кумир, — отрезал я.

— Рад, что тебе интересно. Ответ может быть только один — Леннокс Льюис. Вот кто голова, — важно кивнул он, при этом его глаза заблестели, как у наркомана, которого спросили о дозе. — Вот кто действительно гений. Шахматист-тяжеловес! Идеальное сочетание ума и силы, не находишь?

— Пошли уже, шахматист-тяжеловес. — Я запихнул подарок в рюкзак и хлопнул друга по плечу. Когда мы уже были на выходе из

здания родной спортшколы, я его спросил: — Вот ты вечно просишь меня с тобой сыграть, теперь даже и шахматы подарил. Я ведь все равно у тебя выиграю, хоть ты и играешь лучше. Парадокс?

— Просто ты неудобный противник, — ответил Андрей, глядя прямо перед собой. Он несколько мгновений обдумывал свои слова, затем повернулся ко мне и попытался объяснить: — Просто неудобный. Есть такой тип игрока. Ты не понимаешь, что происходит, когда выходишь против него и все равно проигрываешь, хоть он и уступал всем, кого ты сам легко побеждал. То же самое в боксе. Ты можешь победить всех, кроме одного человека. И вроде бы все падают после твоих ударов, а тут... — Он усмехнулся: — То же самое и со мной. Сегодня я победил не потому, что я был лучший. Просто я был самым неудобным.

Забавная штука судьба — ведь я еще не мог знать, что через не так много лет все повторится: мне снова сломают нос, я буду вытирать кровь после самого трудного боя в жизни, а Андрей снова произнесет эти слова.

И не будет больше ничего. Только кулаки.

Глава 1

MAIN EVENT OF THE MORNING

2012 год. Сентябрь

Ну что так по утрам холодно-то, а? Я быстро-быстро потер руки, пытаюсь их согреть, несколько раз подышал на покрасневшиеся костяшки пальцев, хорошенько зевнул, потянулся и стал разминаться. В пять утра еще никого не было — наверное, это и есть самое прекрасное время в Москве, когда начинает светать и ночь, окутавшая город, уже отступила, а толп бегущих с деловым видом людей еще не видать.

Я живу в районе МГУ. Вот и сейчас мирно стою метрах в пятиста от главного здания вышки первого университета России. На улице сентябрь, и уже колотит дикий дубак, в то время как я раз за разом вспоминаю упражнения еще с далеких тренировок по боксу и неумело пытаюсь их повторить, кряхтя себе под нос как старый дед. Решил, блин, дурак, заняться спортом — в мои 23 пора уже думать о пенсии, внуках и кресле-качалке, а вместо этого решил физкультурой заняться на старости лет. И каков результат: прежде чем вышел на первую за долгие месяцы пробежку,